

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: weber-deutsch@yandex.ru

БРАТИЯ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА И ЕЕ ОБРАЗ В ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ И ПОСЛАНИЯХ РИМСКИХ ПАП XIII–XV ВЕКОВ

В статье представлен анализ эволюции братии Тевтонского ордена и ее образа на протяжении XIII–XV столетий. Опираясь на ряд источников указанного временного периода, автор обратил внимание на эволюцию братии Тевтонского ордена и ее образа от религиозных к более светским характеристикам. Помимо этого предлагается рассмотреть братию Ордена как носителей крестоносной идеи и, исходя из этого, обратить внимание на восприятие ее современниками. В статье прослеживается изменение ментальности братии Тевтонского ордена и отношения к ней на фоне происходящей секуляризации культуры.

Ключевые слова: «воинство Христово», «новые Маккавеи», секуляризация культуры, религиозная символика вооружения.

На сегодняшний день в отечественной исторической науке практически не исследован образ братии Тевтонского ордена. Это относится как к вопросу о его сущности, так и к процессу его трансформации в указанных хронологических рамках.

Пользуясь терминологией Марка Блока [Блок, 1973. С. 86], заметим, что до недавнего времени изучение акцентировалось на homo oeconomicus и homo politicus, в качестве единственных мотивационных составляющих деятельности Тевтонского ордена, как целостной организации, оставляя без должного внимания братию Тевтонского ордена как homo religiosus.

В связи с этим автор работы занялся исследованием братии Ордена и ее образа в контексте исторических реалий XIII–XV вв. не столько в социально-политическом, сколько в религиозно-этическом ракурсе на основании источников, не изучавшихся специально под данным углом зрения. Результаты этой работы могут быть полезны в изучении крестоносного движения в Европе в Позднее Средневековье, а также для понимания феномена западно-европейского рыцарства на данном этапе его развития.

С XIII в. в связи с развитием товарно-денежных отношений закладываются основные установки, которые получают свое развитие в Новое и Новейшее время. В это

время, как отмечает Ж. Ле Гофф, происходят изменения во всех сферах жизни человека, меняется и он сам, и его ценности [Ле Гофф, 1991. С. 28]. На рубеже XIV–XV столетий наметился процесс десакрализации культуры [Green, 1992. P. 14]. Именно в это время состоялась серия походов в Прибалтику рыцарей Тевтонского ордена. В связи с этим есть смысл рассмотреть в исторической динамике образ рыцарей Тевтонского ордена, который представляется достаточно сложным.

Средневековые источники имеют свою специфику. В частности, в своих исследованиях профессор Кембриджского университета Питер Берк именует историю в контексте восприятия ее средневековым хронистом аллегорией. Описание истории старалось быть событийным. Как отмечает Бернард Гене, при описании фактов не использовался термин *accidents, eventus* – «историческое событие», но больше *actus, facta, gestae, res gestae* – «деяния», «что было сделано».

Образ рыцарей Тевтонского ордена, складывающийся в XIII–XV вв., имел фактически два элемента: духовный и светский.

Как уже отмечалось выше, восприятие средневековым европейским человеком истории и своего места и роли в ней отличалось от современного. Значительную, если не главную роль в этом сыграло религиоз-

ное восприятие всего происходящего как промысла Божьего. В большинстве источников XIII и первой половины XIV вв. рыцари Тевтонского ордена рассматриваются через призму религиозного мышления.

В Прологе «Хроники земли Прусской» встречаем следующее: «...Если кто хочет идти за мною, отвергни себя и возьми крест свой и следуй за мной...» [Петр из Дусбурга. Ч. III. Гл. 23]. Данная цитата из Мат. 16 : 24. Как мы видим, хронист, рассматривающий историю с точки зрения провиденциализма, воспринимал братьев Тевтонского Ордена как «воинство Христово», а их деятельность как богоугодное дело. Для более глубокого понимания обратимся непосредственно к Евангелию от Матфея, поскольку тогда можно будет понять тот подтекст, который содержится в этом фрагменте. В нем говорится: «Он же обратившись сказал Петру: отойди от меня, Сатана! Ты Мне соблазн, потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое... Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее» (Мат. 16 : 23–25). Таким образом, мы видим, что хронист не только своей цитатой показывает отношение к событию и его участникам, как угодное Господу деяние, но в подтексте указана и одна из причин, почему это событие произошло.

Обратимся к Генриху Латвийскому и его «Хронике Ливонии». В самом начале книги первой он пишет буквально следующее: «О первом епископе Мейнарде. Божественное провидение, помнящее о Раабе и Вавилоне, то есть, о заблуждении язычников, вот таким образом в наше нынешнее время огнем любви своей пробудило от греховного сна в идолопоклонстве идолопоклонников ливов». Цитата приводится из Псалма 86 : 4. Акцент делается в данном отрывке на то, что деятельность епископа Мейнарда является *divina providentia* («божественным провидением»), но, обратившись к полному тексту псалма, мы можем почерпнуть дополнительную информацию. «Основание его (Иерусалима) на горах святых. Господь любит врата Сиона более всех селений Иакова. Славное возмещается о тебе, град Божий!.. О Сионе же будут говорить такой-то и такой-то родился в нем, и Сам Всевышний укрепил его». Видимо, приводя цитату, хронист подразумевал не только наличие в данных событиях провиденциализма,

но и богоугодности деятельности Мейнарда, что он доказывает лишним раз, упоминая об Иерусалиме, как бы сравнивая эти два региона по своей значимости.

Говоря о том, что формировало цельный образ рыцаря Тевтонского ордена, отметим такую составляющую, как его описание с использованием ярких эпитетов, особенно в сравнении с образом идеологического врага. Не менее важную роль для понимания образа участника Крестового похода в Пруссию, является символика вооружения, о чем речь пойдет ниже.

В «Хронике земли Прусской» Петра из Дусбурга выделяется отдельная глава с описанием символов оружия. Религиозная функция рыцарской экипировки, видимо, выражает восприятие рыцарей как «воинов Христовых» и их призвание отстаивать интересы христианства.

Вооружение и защитного, и атакующего характера именуется в хронике как оружие «плотское и духовное» – тем самым указывает на религиозную символичность этого оружия. При этом автор опирается на Священное Писание. В первую очередь скажем о защитных доспехах и щитах. Петр из Дусбурга выделяет два вида щитов: длинный и круглый. Под длинным щитом хронист призывает понимать веру, ссылаясь на слова апостола Павла «А паче всего возьмите щит веры» (Еф. 6, 16). Нередко на щитах, наряду с геральдическими знаками изображались и символы веры, например крест или образ Пресвятой Девы Марии (что было актуально для Тевтонского ордена). Так, в Марбурге хранится щит Конрада фон Тюрингена и Гессена (великий магистр Тевтонского ордена в 1220–1241 гг.), на котором изображены рыцарь и дама, часто символизировавшая Деву Марию. О круглом же щите Петр говорит следующее: «...Под щитом разумеи слово Божие, наставляющее нас на всех благих делах...» [Петр из Дусбурга. Ч. 2. Гл. 8].

Если же говорить непосредственно о доспехах, то необходимо сказать о «бронне» и «шлеме». Первая символизировала собой праведность, а шлем – спасение, «которое человек получает от Бога от этого оружия добродетелей...» [Там же]. Таким образом, защитное вооружение символизировало одни из основных положений христианства (слово Божие, праведность, спасение души, вера), являясь своеобразной основой для символов наступательного оружия, разви-

вающих восприятие крестоносца, как «рыцаря Христова».

Говоря о наступательном оружии, в первую очередь отметим отношение к мечу. Приблизительно к 1150 г. оформляется его священное восприятие. Теперь прежние, языческие элементы вытесняются христианскими. Так, о мече пишется следующее: «...Под мечом разумей праведные дела, ибо вера без дел мертва...» [Петр из Дусбурга. Ч. 2. Гл. 8]. И как бы в подтверждение, нередко на мечах встречаются девизы нравоучительного характера. Например, в дюссельдорфском музее хранится меч XIII в., на котором выложена следующая фраза: «*Qui falsitate vivit animam occidit. Falsus in ore, caret honore*» (Вероломный губит свою душу, а лжец – свою честь) [Окшотт, 2004. С. 255].

Помимо этого, согласно мнению некоторых ученых, он стал символом защиты от греха, благодаря своей форме. Также для помощи небесных сил в рукоять меча мог вкладываться фрагмент мощей того или иного святого. Необходимым условием благого дела было искреннее намерение, под которым следовало «разуметь» копьё. У Петра из Дусбурга упоминаются лук и колчан со стрелами. «Лук обозначается смирение, ибо как он гнется, сгибается и распрямляется, не ломаясь, так набожный среди удачливых и противников равнодушно и безропотно должен сгибаться и распрямиться смирением...», под стрелами и колчаном – непорочность и нищета и дальше присутствует аллегорическое сравнение: «...ибо как стрела скрывается и сохраняется в колчане, так и непорочность – в нищете...» [Петр из Дусбурга. Ч. 2. Гл. 8].

Судя по всему, в основу защитного вооружения ложились символы, соответствующие основным положениям христианства (слово Божие, праведность, спасение души, вера), в то время как символика наступательного вооружения развивала религиозное их значение (благие дела, искренние намерения, праведность, нищета и т. д.).

Папские послания являются одним из важных источников для анализа образа Тевтонского ордена. Достаточно часто в посланиях пап по отношению к Ордену присутствует весьма благожелательная интонация. Так, в послании папы Александра IV архиепископу Рижскому от 19 марта 1255 г. упоминается формулировка «...*delictorum filiorum magistri et fratrum hospitalis s. Mariae Theotonicorum in Livoniae et Prussia, si ex-*

pedire vuderis, in episcopum et pasrorem» («...любезных детей, магистра и братьев Тевтонского госпиталя св. Марии в Пруссии и Ливонии...») [Senas Latvijas..., 1940], что говорит о положительном отношении папы к Тевтонскому ордену.

Исходя из того, что основной целью Ордена являлась христианизация населения в Прибалтике, соответствующим был и характер посланий: «...*Cum igitur, sicut accepimus, zelo fidei Christianae succens, noviter conversos ad fidem in partibus Livoniae et Estoniae a persecutoribus sollicite defendatis, tam paganis quam Rutenis viriliter obistendo, nos vestris supplicationibus annuentes, vos civitatem et portum vestrum, sub beati Petri et nostra protectione suscipimus...*» («Как нам стало известно, вы, воспламененных заботой о вере христианской, намерены заботливо защищать новообращенных в Ливонии и Эстонии от гонителей, мужественно давая отпор, как язычникам, так и рутенам. Поэтому мы, вняв вашим мольбам, вас, город и порт ваш берем под защиту блаженного Петра и подтверждаем наше покровительство...») [Historica Rusiae..., 1841. XX, 20]. В данном случае достаточно четко прослеживается поддержка со стороны Ватикана.

Следует отметить, что одним из важных направлений политики пап в XIII в. являлось противостояние татаро-монгольскому нашествию. В частности, по мнению В. И. Матузовой и Е. Л. Назаровой, папский престол в лице Иннокентия IV планировал выстроить на восточной границе христианского мира своего рода сигнальную систему, важное значение в функционировании которой придавалось Тевтонскому ордену. В качестве наиболее эффективного способа борьбы с татаро-монголами мыслился крестовый поход (что также свидетельствует о том, насколько прочно крестоносная идеология внедрилась в сознание средневекового европейца).

В феврале 1260 г. Папа обращается с призывом к крестовому походу, жалуя при этом русские земли, которые Орден сможет завоевать у татар. Дела же русской Церкви предполагалось передать духовным лицам, которые согласились бы на унию. Однако уже 21 марта и 8 апреля папа дважды обращается к прусскому магистру Гартмуду фон Грюнбахус с призывом к борьбе с татарами, но Русь в этом контексте не фигурирует.

Теперь обратимся непосредственно к тексту. В послании папы Александра IV магистру и братьям ордена от 4 февраля 1260 г. говорится следующее: «Мы, внимая вашим просьбам, все земли, замки, деревни города и прочие места в Руссии, которые будут пожалованы их владельцами или отойдут по закону, или занятые безбожными татарами, если сможете отнять у них, впрочем, с согласия тех, к кому, как известно, они относятся, отныне по праву признаем собственностью святого Петра и после того, как они примут обряд христианский, объявляем под особой протекцией и защитой апостольского престола во веки веков и жалуем их вам и дому вашему со всеми правами и доходами и десятинами навеки в свободное владение, причем эти земли, замки, деревни или города и местности ни вы, ни кто иной никогда не должен передавать во власть другого» [Матузова, Назарова, 2002. С. 369–371].

Четырнадцатый век, являющийся временем наибольшего расцвета Тевтонского ордена, вместе с тем вносит свои коррективы в ментальность его братии и в отношения к ней современников. С ростом влияния и могущества Ордена появляются и первые свидетельства недовольства орденской братии в Прибалтике [Масан, 1986. С. 79].

Одновременно перемещается и отмечаемый исследователями центр пополнения орденской общины из Тюрингии и Вестфалии на юго-запад Германии – Франконию и Швабию [Котов, 2007. С. 259]. Правители Тюрингии и Вестфалии – первых регионов, откуда пополнялась братия Тевтонского ордена, были связаны со Штауфенами, для которых нарождающийся Тевтонский орден играл определенную политическую роль. Ландграфы Тюрингии находились в тесной династической связи с императорским родом: сестра Фридриха Барбароссы, Ютта, была женой графа Тюрингского Людвига II. Поэтому, судя по всему, ландграфы Тюрингские принимали личное участие в основании Тевтонского ордена в Святой земле.

Перемещение центра пополнения орденской братии было связано, видимо, не только со сменой правящей династии, но и ростом заинтересованности рыцарства юго-западной Германии. Именно во Франконии и Швабии в руках министералитета были са-

мые мелкие земельные владения. А в условиях майората младшим сыновьям приходилось искать для себя обеспеченной жизни на стороне [Urban, 2000. P. 11–20].

Ситуация начинает меняться в XV в. Наиболее характерным является становление национального самосознания прусских городов на основе сопоставления себя и Ордена, ведь «чтобы появилось субъективное “мы”, требовалось повстречаться и обособиться с каким-то “они” <...> “они” на первых порах куда конкретнее, реальнее несут с собой те или иные определенные свойства...» [Поршнева, 1979. С. 79]. Именно поэтому, судя по всему, «Данцигская хроника Союза» так много внимания уделяет Ордену и гроссмейстерам. И в силу того же мотива в Пруссии города себя считают теми, кто христианизировал язычников: «Они говорили, что они нас добыли мечом. Но ныне стремятся они к тому, чтобы, если они могли бы нас превратить в прах, не преминули бы это сделать. Но потому, что мы сейчас видим и слышим, что наши предки по отношению к ним никаких долгов не имели, в то время как они изо дня в день наши и наших людей привилегии и права нарушают, так это очевидно. Также если их предшественники часть земли к Христианской вере привели, с чьей же помощью это было сделано, как ни силой наших родителей, которые их затем также еще очевидно с большей силой на земле поддерживали?» [Die Danziger..., 1861. № 1].

Братья-рыцари оценивались негативно не только в Пруссии, но и в Польше, где шел процесс объединения государства. Причем и здесь появилась традиция, оспаривающая прежнюю мощь Ордена. Согласно Яну Длугошу, Тевтонский орден основал один из польских князей в XIII в. – князь Конрад Мазовецкий [Длугош, 1962. С. 34]. Однако Конрад Мазовецкий всего лишь призвал братьев-рыцарей себе на помощь.

На положение Ордена большое влияние оказал собор в Констанце 1414–1418 гг., на котором польская делегация внесла жалобу на Тевтонский орден, обвинявшего польского короля в восстановлении язычества в Литве [Дыбковская и др., 1995. С. 34]. В 1417 г. было принято решение, что Орден не может более добиваться новых привилегий [Keyser, 1925. S. 19].

В итоге в 1455 г. по жалобе Прусского союза папа Каликст III (1455–1458) признал, что братия Ордена живет в «неподобающем сраме» и «развращенности» [Die Danziger..., 1861. № 48].

Братия Тевтонского ордена, как и ее образ, не были статичными в период XIII–XV столетий. С изменением исторических реалий в указанные хронологические рамки трансформировался и образ рыцарей Тевтонского ордена и их самоидентичность.

Изначально рыцарь Тевтонского ордена воспринимался как член военно-монашеской организации, направленной на заботу о раненых, о чем говорит и тот факт, что Орден какое-то время входил в состав госпитальеров. Иначе говоря, на заре своего существования братия Тевтонского ордена воспринимались как часть организации иоаннитов. Но начиная с 90-х гг. XII в. ситуация меняется кардинальным образом. После издания римским папой двух булл Орден становится независимым. Боевые действия на Востоке стали местом рождения Тевтонской братии, как и других военно-монашеских орденов.

А поскольку в тот исторический период идея крестоносного движения еще себя не изжила, что будет наблюдаться через полтора-два столетия, то крестоносцы воспринимались как «*militia Dei*». Об этом свидетельствует несколько основных моментов. Во-первых, это те привилегии, которые предоставлялись и братии Тевтонского ордена, и простым участникам, так называемых «крайзенов». Во-вторых, это эпитеты, которыми награждают рыцарей хронисты, сравнивая их с Маккавеями, борющимися с Амаликитянами, что особенно проявляется в сравнении их с образом противников, в первую очередь язычников. Также обращает на себя внимание позиция не только авторов хроник, но и официальная позиция папского престола. Особенно яркой она видится в XIII в.

В XIV–XV вв. образ братии Тевтонского ордена претерпевает определенное изменение. Его восприятие постепенно перемещается из духовной в светскую плоскость. Причиной этому послужили во многом, как отмечалось выше, и общие процессы, характерные для Европы в целом и для восточно-европейского региона в частности.

Список литературы

Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973.

Длугош Ян. Грюнвальдская битва. М.; Л., 1962.

Дыбковская А., Жарын М., Жарын Я. Польская история с древнейших времен до наших дней. Варшава, 1995.

Котов А. С. Габитус рыцарей юго-западной Германии в ином социально-экономическом пространстве (на примере братьев-рыцарей Тевтонского ордена в Пруссии XIV–XVI вв.) // Медиевистика XXI века: проблемы методологии и преподавания. Кемерово, 2007. Вып. 3.

Ле Гофф Ж. С небес на землю (перемены в системе ценностных ориентации на Христианском Западе XII–XIII вв.) // Одиссей. Человек в истории. М., 1991.

Масан А. Н. Прусское бюргерство и Тевтонский орден (вторая половина XIV в. – 1454 г.) // Общество и государство в древности Средние века в странах Западной Европы. М., 1986.

Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь: конец XII в. – 1270 г. М., 2002.

Окиотт Э. Археология оружия. М., 2004.

Петр из Дусбурга Хроника земли Прусской // <http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Dusburg/framepred.htm>

Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1979.

Die Danziger Chronik vom Bunde // Scriptores Prussicarum. Die Geschichtquellen der preußischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft, herausgegeben von T. Hirsch, M. Toeppen, E. Strelke. Leipzig, 1861.

Green W. A. Periodization in European and World History // Journal of World History. 1992. Vol. 3. No. 1.

Historica Rusiae Monumenta // Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов А. И. Тургеневым. СПб., 1841. Т 1, № LXXVII; Т. 2, № XX.

Keyser E. Die kirchenrechtliche Stellung der Deutschordensgemeinden // Altpreussische Forschung. Königsberg, 1925.

Senas Latvijas Vestures avoti. 1 b. Riga, 1940. № 418; 381.

Urban W. The Prussian Crusade. Chicago, 2000.

D. I. Veber

**BRETHREN OF TEUTONIC KNIGHTS
AND THEIR IMAGE IN THE HISTORICAL SOURCES XIII–XV CENTURES**

In clause the analysis of evolution of brotherhood of the Teutonic order and its image during XIII–XV centuries is presented. Leaning on a number of sources of the specified time period, the author has paid attention to evolution of brotherhood of the Teutonic award and its image from religious to more secular characteristics. Besides it the author suggests to consider brotherhood of the Orden as carriers crusades idea and, proceeding from it, to pay attention to perception their contemporaries. In clause change and members is traced attitudes to them on a background occuring secularization of culture.

Keywords: «milites Christi», «new Maccabeus», religious symbolism of equipment, secularization of culture.